

Уроки Испанской революции

О гражданской войне 1936 - 1939 гг. в Испании и сопровождавшей ее социальной революции написано огромное количество литературы. Только ее библиография заняла бы целый большой том. Это бесчисленные описания и воспоминания участников и наблюдателей, исторические и теоретические исследования, комментарии и анализы, к тому же с самых различных позиций и под самым разным углом зрения. Уже их изобилие говорит о значительности самих событий. В них, особенно в первый год революции, можно увидеть в концентрированном виде позиции и роль всех участников, как друзей, так и врагов (равнодушных не осталось). Они позволяют также *извлечь уроки для будущих великих социальных переворотов.*

Такова цель данного текста. В нем - несмотря на всю важность этой проблемы - мы не будем задаваться вопросом, почему с 1939 г. в течение более чем полувека не было революционных событий такого размаха.

Не станем и приводить доказательства преждевременности того восторга, с которым некоторые после 1989 г. объявили о «конце истории» и революций. Это ограничение продиктовано задачей, которая ясно сформулирована в заглавии. Ее мы и попытаемся решить.

Тем, кто склонен возразить, что сейчас неподходящий момент для подобных анализов и уроков, что люди отчаялись, у них нет хлеба и единственное, что их занимает - это собственное выживание, мы ответим: речь пойдет именно о хлебе и о выживании. *Потому что человеческий род может спасти только революция!*

Какими бы иными ни были технологические и социальные условия, в которых будут совершаться общественные перевороты в грядущем XXI веке, они будут раскрывать общие тенденции и закономерности. *Разрушение капиталистических и государственных структур* старого общества предполагает использование определенной «техники». Ее принципы, пусть и не во всех деталях, должны изучить и понять те, кто будет обладать волей и счастьем довести будущую социальную революцию до ее логического завершения. Это еще одно, дополнительное основание для изучения испанской революции, которая по своей антигосударственной и антикапиталистической насыщенности и по сознательному участию в ней широких масс далеко опередила все социальные революции последних 200 лет.

В нашем тексте мы не претендуем на то, чтобы добавить что-либо неизвестное к описаниям революции 1936 - 1939 гг. и особенно майских дней (1937 г.) в Барселоне, где в последний раз в XX веке предоставлялась возможность изменить «ход судьбы». Но мы напомним хотя бы кратко ее историю, потому что она служит канвой для анализа и уроков.

С самого начала считаю своим долгом заявить, что по своим убеждениям я стою на крайне левом фланге анархизма и разделяю выводы, которые сделали из этих событий в отношении революционной тактики и стратегии, прямых действий, концепций и позиций группа «Носотрос» («Мы»), «Железная колонна» и «Друзья Дурутти» после его убийства, или «неконтролируемые», как их еще называли. Не будучи волонтаристом, я считаю, что даже самая благоприятная революционная ситуация может быть проиграна, если революционная воля парализована.

Вместе с тем, я сознаю роль объективных условий, но не признаю ссылки на них, как на извинение. Я знаю, что испанская, европейская и мировая обстановка в 1936 - 1939 гг. была тяжелой, сложной и взаимосвязанной. Все официальные силы - от франкистов и континентальных фашистов до Сталина с его агентами и Великого бога-царя капитала, всевозможных европейских социалистов, демократов, патриотов - были исполнены враждебности, страха и смертельной ненависти к испанской рабочей анархической революции и полны решимости удушить ее любой ценой.

Но, не игнорируя эти и многие другие, не зависящие от нас причины, я считаю, что поражение, которое мы, анархисты, понесли в Испании, а вместе с нами и революционная перспектива на всю оставшуюся часть столетия, в высокой степени было предопределено оппортунизмом и близорукостью некоторых деятелей, занимавших ответственные посты в профсоюзном и идейном движении в Испании. Я подчеркиваю эту оценку субъективных причин, поскольку объективные условия, какими бы благоприятными они ни были, не спасут нас от будущих ошибок, и потому что *, пока сохраняются государства и капитал, будут существовать и возможности для возрождения оппортунизма во время любой будущей революции.* Уроки из допущенных ошибок - еще одно основание для настоящего анализа.

Как известно, четверо анархистов - по двое от профсоюзной и от идейной организации - вступили в республиканское правительство Ларго Кабальеро, вождя испанских социалистов и второго по размерам испанского профсоюза ВСТ. Вопреки своей принадлежности ко 2-му Интернационалу, Кабальеро пользовался славой революционера.

Вот как Федерика Монтсени (одна из министров - анархистов, к которой, надо признать, я никогда не испытывал симпатии и от которой всегда держался подальше во время эмиграции) «объясняла» обмен анархистских идеалов, принципов, традиций, тактики и методов на министерское кресло:

«Ларго Кабальеро настаивал, чтобы НКТ (самая крупная профсоюзная организация Испании с преобладающей анархистской ориентацией, число членов которой в моменты пика революции превышало 3 миллиона человек) вошла в правительство. Чтобы согласиться на участие, мы потребовали заменить его Советом обороны. Тогда Кабальеро ответил нам:

- Послушайте, если мы примем то, что вы предлагаете, демократическая Европа будет относиться к нам также, как к хунте франкистов в Бургосе. Мы потеряем наш главный козырь - существование законного правительства республики. Нужно, чтобы вы оставили вашу совесть сестр милосердия и послали ваших представителей в правительство, а я обещаю вам сделать все от меня зависящее, чтобы помочь коллективизации и такому распределению оружия, которое сделает невозможными монополию коммунистов и шантаж Сталина в отношении русской помощи, чего вы опасаетесь» (Ф. Монтсени в «Тьемпо де Историа», июнь 1977 г.).

Читая подобные «объяснения», человек испытывает изумление возможностью манипулированием революционными идеями и подмены их революционным празднословием и терминологическими спорами. И поражен наглостью «социалистического» премьер-министра. Даже первоклашки, только-только научившиеся азбуке анархизма, знают, что представитель власти не заслуживает никакого доверия! Но даже если они забыли элементарные правила «игры», неужели так трудно было нашим будущим министрам понять, что Ларго Кабальеро стремится скомпрометировать ФАИ и НКТ и устранить

анархистов со своего пути к власти с помощью сталинских агентов? Разве им не было ясно, что, встав перед выбором: вольный коммунизм или франкизм, любой властник без колебаний предпочтет диктатуру каудильо. Много ли серого вещества надо, чтобы понять, что «демократическая Европа» готова договориться даже с дьяволом, если тот поможет ей удушить социальную революцию, и потому капитал в тысячи раз более враждебен по отношению к нам, чем к диктаторам в Бургосе и Кремле?

Как мы увидим в ходе изложения, никакие «объективные обстоятельства и соображения» не могут оправдать превращение анархистов в министров. Никакие временные выгоды от присоединения к мелкобуржуазному или большевистскому «антифашизму» и уж тем более никакие уверения социал-демократического проходимца, ласкательно называемого «испанским Лениным», не могут извинить беспринципные комбинации и идейные недоразумения. Вступление анархистов в какое-либо правительство, пусть даже оно называет себя архиреволюционным, имеет только одно объяснение: те, кто совершает такие шаги, произносят революционные фразы и занимают революционные позы только до тех пор, пока верят, что при их жизни революция маловероятна, и пугаются, когда она постучит в их ворота.

Эти утверждения я попытался сформулировать как можно более снисходительно, *смягчая слова, которым следовало бы свистеть как пулям*. Но это ни в коей мере не отменяет наше полное размежевание с «нашими» министрами.

Чтобы аргументировать свою позицию, я рассмотрю наиболее важные события и этапы Великой рабочей революции, к которым относятся и майские события 1937 г. в Каталонии, где анархисты имели самостоятельное большинство. Чтобы не показалось, что все упало с неба, придется хотя бы бегло посмотреть на предысторию революции, процессы, которые происходили в различных слоях испанского общества, данные о силах, стоявших по обе стороны баррикады, на политику и поведение отдельных участников. Учитывая необходимость анализа, наибольшее внимание будет уделяться рабочему классу и его организациям, среди которых, по общему признанию, наиболее важное место занимали и наибольшую роль играли Федерация анархистов Иберийского полуострова (ФАИ) и Национальная конфедерация труда (НКТ).

Весь период с начала 1930 г., когда была сброшена диктатура Примо де Риверы, за чем последовало отречение Альфонса XIII и провозглашение республики в 1931 г., и вплоть до победы на выборах Народного фронта в 1936 г. был *периодом революционного кризиса в Испании*, развивавшегося на фоне большого кризиса мирового капитализма 1929 - 1933 г., приведшего к победе нацизма в Германии.

Эти несколько лет были заполнены стачками, акциями прямого действия, террористическими актами в ответ на террор властей, капиталистов и их наемников, «частных гвардий», как мы бы назвали их сегодня. Это было время экспроприаций, бунтов, всеобщих стачек и восстаний. (Последнее было не новостью для Барселоны - города, история которого насчитывает 160 бунтов и восстаний!). В этих авангардных схватках испанский рабочий класс и, прежде всего, люди их НКТ и ФАИ принесли десятки, сотни и тысячи жертв. Даже в тюрьмах буржуазной республики к началу 1936 г. число политических заключенных превышало цифру в 20 тысяч.

Испанскую крайне правую составляли преобладающее большинство монархической аристократии и землевладельцев, католическая церковь,

большая часть офицерства и «гражданской гвардии» (своеобразной жандармерии). Этой, принадлежавшей к старому режиму и по существу полуфеодальной реакции симпатизировала и немалая часть испанской буржуазии и присоединившихся к ним впоследствии мелких буржуа и люмпенов. (Часто судьба революции зависела от того, на чьей стороне окажутся люмпены...). Эти правые недвусмысленно выражали свои цели: «Уничтожить революционное семя в утробе матери!», сохранить унаследованные от старого режима богатства, привилегии и господство.

На другом полюсе находился рабочий класс, в котором шел неумолимый процесс революционизации и полевения. Это можно видеть на цифрах невиданного роста профсоюзных организаций, бывших наступательными, революционными и вооруженными. Наиболее мощной была НКТ. Во время своего 3-го конгресса в 1931 г. она насчитывала 800 тысяч членов. Год спустя Конфедерация насчитывала 1 миллион 200 тысяч членов, а в преддверие 4-го конгресса в мае 1936 г. число членов НКТ составило 1 миллион 577 тысяч, из которых 300 тысяч были членами ФАИ[1]. Таковы данные испанского министерства внутренних дел. Для сравнения приведем цифры из того же источника на тот же исторический момент (май 1936 г.). Согласно полицейской статистике, ВСТ насчитывал 1 миллион 447 тысяч членов, испанская компартия - 33 тысячи членов, различные политические группировки правых - 549 тысяч членов, к которым надо еще добавить 50 тысяч фалангистов и около 30 тысяч офицеров запаса.

3-й конгресс НКТ был созван в июне 1931 г., чтобы обсудить обстановку, возникшую после отречения короля вследствие результатов выборов 14 апреля 1931 г. и формирования серии республиканских правительств, неспособных преодолеть кризис в стране, которую сотрясали стачки, демонстрации и восстания. Ситуация, бесспорно, была революционной, но *любая революционная инициатива блокировалась различиями, существовавшими внутри испанского анархистского движения.*

В НКТ и некоторых группах ФАИ выявились три течения. Первое, образованное «старыми» деятелями, считало, что обстановка не благоприятствует революционным действиям и самое важное - это консолидировать базовые профсоюзные организации на предприятиях и в учреждениях. Для достижения этой цели они были готовы заключить «гражданский и социальный мир» с правительством, согласившись на подчинение его законам.

Второе течение, которое, среди прочих, включало и группу «Носотрос», делало упор на динамизм молодости. В нем группировалась молодежь, выросшая и пришедшая к анархистским убеждениям во время диктатуры. Его сторонники стояли на позиции, диаметрально противоположной позиции первого течения. Они не желали никакого перемирия с правительством и считали, что настоящая революционная организация строится *только в борьбе с государством и капиталом, которую следует вести ни на жизнь, а на смерть.*

Наконец, третье течение испанского анархистского движения составляли теоретики. Несмотря на свои блестящие политические и социальные анализы, это течение было осуждено на стерильность, порождавшую доктринерский догматизм.

Между этими течениями шла идейная, стратегическая, тактическая и организационная борьба. Беда не в разногласиях. Единодушие существует только в католической церкви, в большевистской партии и... на кладбище. Мы

за свободу мысли (к сожалению, наряду с ней, - и недомыслия). Поэтому мы приветствуем различие и конфронтацию противоположных мнений. Когда-нибудь из этого родится истина. *Беда проистекает от сохранения организационного единства любой ценой. Объединение не всегда означает силу!* Таков первый урок, к которому мы еще неизбежно вернемся в ходе изложения.

Мы сказали о том, что внутри НКТ сожительствовавали три тенденции. При нейтралитете «теоретиков» к 1931 г. возникла острая конфронтация между двумя другими течениями, которые мы можем условно назвать реформистами (умеренными) и экстремистами. Умеренные хотели приспособить Конфедерацию к новому положению, созданному республикой, с целью перестроить и консолидировать профсоюзы, не прибегая к революционному насилию. Поэтому они обвиняли экстремистов в авантюризме и провокациях. Экстремисты же (в сущности, ФАИ) считали, что подобная практика компромиссов означает отказ от борьбы и даже от самой концепции анархо-синдикализма. *Среди крайних своей активностью выделялись Буэнавентура Дуррути, Франсиско Аскасо, Гарсиа Оливер и др.* Хотя совсем разные по своему темпераменту, они отлично дополняли друг друга и поддерживали сплоченность в ФАИ - Федерации анархистов Иберийского полуострова. Опорную точку своей борьбы они почерпнули, прежде всего, у Бакунина. Ею были абсолютное доверие к творческой способности пролетариата и необходимость организации. *Самые активные были объединены в группу «Носотрос» («Мы»).* Они считали, что подчинение республиканской легальности означает согласие с новым законом, разработанным министром труда (Ларго Кабальеро) и подрывающим революционную практику профсоюзов.

Этот закон предусматривал:

- коллективные договоры для регулирования классовых конфликтов;
- создание смешанных судов для примирения между работодателями и наемными работниками при арбитраже государства в лице Министерства труда (разновидность классового сотрудничества, известная как трипартизм);
- предварительное уведомление при объявлении стачки и т. д.

Короче говоря, закон был нацелен на интеграцию профсоюзов в государственную систему обеспечения победы реформизма в рабочем движении. Нечто, уже осуществлявшееся в Европе в практике и политике социал-демократических партий, вслед за которыми шли компартии. Там, несмотря на социальные потрясения и рабочие восстания после первой мировой войны, особенно в передовых странах, капитализм надолго одержал победу над трудом.

Чтобы противостоять этой капитулянтской тенденции в последнем бастионе Европейской революции XX века, «Носотрос» немедленно отреагировали систематической критикой позиции умеренных. На рабочих собраниях они объясняли, что принятие этого курса означает ни много ни мало смерть революционного синдикализма. В июне 1931 г. проводился 3-й конгресс НКТ. На нем по предложению реформистов должна была обсуждаться резолюция об отношении Конфедерации к Кортесам (парламенту). Большинство делегатов сочло, что подобная повестка дня - это оскорбление для синдикалистов, чья конечная цель - установление вольного коммунизма с помощью вооруженной борьбы. Они заявили, что не их дело помогать

реформистским профсоюзам, которые обманывают работников, убеждают их, что борьба ведется только за улучшение условий труда и жизни. Сводить ее к таким ограниченным целям означало бы не только продлевать жизнь капитализма, но и помогать ему копать могилу для трудящегося класса. Для НКТ только революция может «цивилизовать» капитализм - разрушив его.

На одном из митингов в Мадриде, организованном НКТ во время конгресса, перед 15 тысячами собравшихся выступил Дуррути. Присутствовали гости из-за границы, среди них немецкий анархо-синдикалист Рудольф Роккер. На него произвело большое впечатление внимание, с которыми рабочие слушали ораторов, но при этом не хлопали им. На вопрос Роккера Дуррути ответил:

«Товарищ Роккер, ты же знаешь, что нам, анархистам, чужд любой культ личности. Аплодисменты и овации - это та музыка, которая будит червя суетности и вождизма. Мы можем признавать компетентность данного товарища, если она у него есть, но это все. Думать, что он превосходит нас, означало бы практиковать культ вождей. Этого у нас, анархистов, не будет».

В конце конгресса вспыхнула стачка почтово-телеграфных работников. Среди требований, наряду с повышением зарплаты, значились: восстановление на работе уволенных во время диктатуры, предоставление права на оплачиваемый отпуск в связи с женитьбой и рождением ребенка, признание НКТ и др. МВД объявило стачку нелегальной и бросило против бастующих гражданскую гвардию. Более 2000 человек были арестованы. В знак солидарности с ними вспыхнули новые стачки, сопровождавшиеся актами саботажа. Они охватили Андалусию, Сан-Себастьян, металлургические предприятия Астурии, Севильи и многих других более мелких городов. Стачка стала всеобщей. Министр внутренних дел Мигель Маура распорядился положить конец «беспорядкам» любыми средствами. Полиция захватила помещения местной федерации НКТ в Севилье. В ходе столкновений были убиты более 20 рабочих. Собрались кортесы, которые при поддержке социалистов Ларго Кабальеро, имевших большинство, проголосовали за доверие сеньору Мауре, огласившему следующую декларацию: «Мой долг заявить, что поскольку НКТ и ФАИ не признают законы, которые регулируют трудовые отношения, не признают примирительных комиссий, смешанных судов и саму государственную власть, они сами себя лишают защиты конституции. Они не уважают законы, которые гарантируют их право на организацию и на собрания. Только когда они подчинятся закону, они будут иметь право жить в нормальных отношениях с властью».

Всеобщая стачка против репрессивной политики правительства разрасталась и охватила Сарагосу, Гранаду, Барселону, где 20 тысяч металлистов забастовали в знак солидарности с политзаключенными. Губернатор Каталонии отдал приказ гвардии осадить и атаковать штаб-квартиру профсоюза строителей. Завязалась перестрелка. Многие из арестованных работников были доставлены в префектуру и избиты. Другие жестоко избивались в карцерах тюрьмы Модель, размещавшейся на корабле, пришвартованном в Барселоне. В конфликт вмешались батраки и бедные крестьяне, которые начали коллективную экспроприацию земли. Монархист генерал Санхурхо приказал гражданской гвардии изгнать крестьян с захваченных земель. НКТ и ФАИ поддержали стачки и захваты земли, в то время как социалисты, контролировавшие ВСТ и превратившие его в инструмент правительственной политики, были против. Это противостояние

нашло свой отзвук и внутри НКТ. Умеренные опубликовали «Манифест 30-ти», в котором объявили, что «диктатура ФАИ» виновна в «радикализме» НКТ. В манифесте оправдывалась политика классового сотрудничества, к которой стремился министр труда Ларго Кабальеро, и репрессии против «неконтролируемых элементов» (то есть людей из ФАИ).

Буржуазная пресса опубликовала манифест и третировала экстремистов как разбойников. Каталонские политики, такие как Компанис и Бадиа, когда-то симпатизировавшие ФАИ, со своей стороны, использовали любую возможность, чтобы дискредитировать ее членов. Бадиа, автор неудачного покушения на короля Альфонса XIII в 1925 г., теперь произносил прочувственные фразы: «Эти люди - бандиты с членскими билетами НКТ».

Несмотря на синхронизированную кампанию по разложению и приручению либо уничтожению революционного синдикализма, верх одержали тезисы ФАИ. После того, как Конфедерация приняла радикальную ориентацию, умеренные организовались во внутреннюю оппозицию, борьба с которой отняла у НКТ много сил и энергии.

За спорами, стачками, арестами, расстрелами следовали новые стачки с еще большим размахом - что несколько позднее позволило сформулировать тактику повстанческого цикла - одна за другой следовали атаки и контратаки контрреволюции и набирающей силы революции. На попытку упомянутого генерала Санхурхо в начале 1932 г. установить профашистский режим шахтеры Каталонии ответили новыми стачками и митингами, которые превратились 19 января в вооруженное восстание и провозглашение впервые в истории Испании вольного коммунизма с ликвидацией частной собственности и денег. Региональный комитет НКТ формулировал позицию организации следующим образом: «Наша миссия на этом не закончена. Мы должны продолжить свой марш по завоеванию будущего, которое для рабочего класса не может быть ничем иным, кроме как полным разрушением капитализма и государства. Только после этого станет возможным установление бесклассового общества».

Реакции властей не пришлось долго ждать. Председатель совета министров и военный министр Мануэль Асанья повелел ликвидировать бунт в течении «15 минут». Эти 15 минут превратились в пятидневные сражения и сотни арестов. Среди задержанных оказались профсоюзные деятели со всего полуострова, особенно из Каталонии, Андалусии, Валенсии, между ними - братья Аскасо, Дуррути и другие. Они были отправлены подальше, в плавучей тюрьме на Канарские острова, а оттуда в Гвинейский залив. Однако заключенные взбунтовались. Последовало объявление всеобщей революционной стачки по всей Испании. Ситуация становилась взрывоопасной как в промышленных, так и в сельскохозяйственных зонах, и это заставило правительство отступить. Задержанные были триумфально освобождены в Барселоне; их встречала внушительная манифестация. Тем временем число членов НКТ возросло с 800 тысяч до 1200 тысяч человек. Причем, каких! В одной из статей в органе Конфедерации газете «Солидаридад обрера» Франсиско Аскасо так формулировал позиции группы «Носторос»:

«Если мы сравним наше движение с движением в других странах, то мы не блистаем своим «теоретическим уровнем». Но хотя испанский пролетариат не достиг европейского уровня образованности, он располагает куда более богатой способностью к восприятию, более высокой социальной интуицией и более сильным чувством классового достоинства, смелости и воли к борьбе. Я никогда не предполагал, не думал, что проблемы интеллектуального

подъема могут быть решены посредством накопления в «мозговых клетках» теоретических формул или философских концепций. Даже самые лучшие теории чего-либо стоят только если они укоренятся в практическом опыте и воздействуют на жизнь в новаторском духе. Мы действуем в этом направлении и это позволяет нам возлагать большие надежды на наше движение.

Анархизм прошел различные фазы в своей истории. В свой эмбриональный период он оставался идеалом элиты и был доступен только нескольким продвинутым личностям, которые использовали его как уничтожающую критику общества, в котором они жили. Наши предшественники проделали хорошую работу, благодаря ей мы сегодня являемся такими, какие мы есть. Но, товарищи, время критики миновало, сегодня нас ждут практические дела.

Разумеется, необходимо продолжать повышать, насколько это только возможно, наш теоретический уровень в отношении любой деятельности, но без этого «сухого и музейного доктринерства», разрушающего великое творческое дело, которое вершат наши товарищи в непрекращающейся борьбе между господами и угнетенными. Весь наш народ устремился вперед, к действию. Идя к нему, он сам развивает себя. Не мешайте ему, пытайтесь образовать вашими «красивыми теориями!».

По инициативе «Носотрос» Национальный комитет НКТ созвал Национальный пленум, чтобы определить поведение организации перед лицом правительственных репрессий. Делегаты от всех регионов были единодушны: на государственное насилие надо ответить революционным насилием! Для этого было решено создать Национальный комитет обороны, задачей которого стала координация в национальном масштабе акций всех местных групп защиты. Секретарем Национального комитета обороны был избран Антонио Ортис, член группы «Носотрос». Создание такого органа ясно означало, что перейден рубеж, отделявший теорию от практики, как это предусматривали принципы «Носотрос». По этому поводу оппозиция умеренных развернула полемику с целью дискредитировать комитет обороны под предлогом, будто он является своего рода генеральным штабом армии, параллельной Конфедерации, и сам по себе носителем авторитаризма.

На обвинения ответил Дуррути. Он уточнил, что вызвавший споры орган имеет задачей всего лишь координировать деятельность групп защиты, уже существующих по всей стране. Кроме того, как любой орган Конфедерации, он подчиняется фундаментальным организационным принципам анархического движения - федерализму (объединению) снизу и праву на инициативу для всех. Инициативы рассматриваются на общих собраниях, на всех уровнях (местном, областном, региональном или национальном); принятие решения по ним - это право всей совокупности объединенных в федерацию групп, а не выделенных ими органов. Масштабы, в которых предпринимаются инициативы и осуществляются принятые решения, определяются масштабами оборонительных акций и их характером.

Вопреки развернутой реформистами полемике, национальная координация групп воспринималась как нечто само собой разумеющееся. До сих пор критика государственной власти выражалась в призывах и брошюрах, в печати и на митингах. Но опыт показал, что дела эффективнее слов. Так например, введение анархического коммунизма шахтерами Каталонии, пусть даже на несколько дней, куда сильнее просветило рабочий класс, чем вся пропаганда со времени Бакунина, за истекшие 60 лет. Группа «Носотрос» считала, что пришло время,

когда следует форсировать историю и сократить этапы, когда атаки следует направлять не только против мифов и «священных принципов» буржуазной морали и ее ретроградного кодекса. В стране созрели условия для социальной революции, и духовный рост испанского пролетариата неизбежно вел к переходу от теоретической к практической борьбе с государством.

Это требовало революционной акции в национальном масштабе.

Чтобы ознакомить народ с позицией ФАИ, разоблачить правительственные репрессии и развивать сопротивление, анархисты организовали информационную кампанию. Митинг, с которого она должна была начаться, был намечен на 1 декабря 1932 г. в Барселоне, во Дворце декоративного искусства. Вход в него ведет с площади Испании, но его захватила полиция. Ее силы были внушительными: гражданская гвардия на лошадях патрулировала парк и параллельную улицу, специальные ударные части по борьбе с уличными беспорядками группами по четыре человека перегородили всю площадь, с другой ее стороны артиллеристы навели тяжелые орудия на Дворец. Выходя из метро, рабочие оказывались перед массивным зданием полиции, но выходы из метро продолжали изрыгать все новые и новые группы. Когда людей оказалось так много, что их уже не могло вместить место, оставленное им гражданской гвардией, люди из групп защиты прорвались и, миновав ряды гвардейцев, проникли в здание Дворца. Многие из них должны были остаться там и слушать ораторов, поскольку огромный зал уже был переполнен. В девять часов утра митинг открылся гимном Конфедерации «На баррикады!».

Власть отступила, вопреки первоначальному намерению не допустить проведения анархистского митинга, поскольку оценила, что баланс эскалации, очевидно, не в ее пользу. И еще одно: война классов - это не только вооруженные столкновения, но и психологическая война, которую выигрывают решительностью, самообладанием и прежде всего хорошей организацией. Оказалось, что наступательная тактика возможна, необходима и неизбежна, когда кризис носит революционный характер. Она повышает упорство и волю масс к сопротивлению против эксплуатации капиталу, их спонтанную реакцию против издевательств и репрессий властей, их поддержку прямых действий и готовность вступить в единоборство с силами старого мира. Тогда массы выдвигают бойцов, группы и организации, необходимые для координации и эскалации революционной борьбы. Параллельно с этим, они начинают понимать. Что война будет тем бескровнее, чем больше солидарность между работниками и чем более массовым является их участие в отдельных сражениях.

Но наряду с этим выводом есть и другой, правильность которого бросается нам в глаза всякий раз, когда классовая борьба достигает кульминационной точки самоорганизации революционной стихии и спонтанности:

Во время революционного кризиса, когда события идут к своей развязке (а создание Национального комитета обороны как раз свидетельствовало об этом), *если мы революционеры на деле, мы должны делиться с реформистами.* Потому что на войне (и во время подготовки к ней) лучше не иметь оппортунистов в своем лагере. Пусть они несут свои соображения, колебания и страхи на другую сторону баррикады, в ряды противника! Лишим их возможности сделать достоянием потенциальных доносчиков власти и ее

полицейских служб любое организационное решение, которое может стать объектом уголовного кодекса!

В предреволюционный период наши испанские друзья допустили серьезную организационную ошибку. А как говорил гражданин Жозеф Фуше, «в определенных обстоятельствах ошибки бывают страшнее самых тяжелых преступлений!»...

Декабрьский митинг 1932 г. в Барселоне заканчивается. Последний оратор, взошедший на трибуну, - Буэнавентура Дуррути. В своей речи он сказал:

«Ваше присутствие на этом митинге и мое - на трибуне должно ясно продемонстрировать буржуазии и правительству, что сегодня НКТ и ФАИ стали силами, которые растут с репрессиями и становятся более могущественными в условиях враждебности. Вопреки сыплющимся со всех сторон ударам, мы не отклоняемся от революционных целей. Эта манифестация - предупреждение не только господам, но и товарищам социалистам. Они должны понять, что тюрьмы и затворы не пригладили и не сделали ручными анархистов, но сделали их более смелыми, сильными и неукротимыми.

Буржуазная пресса аплодировала репрессивным мерам правительства, полагая, что если арестовать и депортировать несколько сотен или тысяч активистов НКТ, овцы вернутся в загоны. Другими словами, они надеялись, что если «убить собак, бешенство исчезнет». Буржуазия и правительство изолгались. Эти господа еще не поняли, что испанский рабочий класс - это не стадо овец, которые молитвенно подставляют шеи мяснику. Он состоит из смелых мужчин и женщин, готовых скорее погибнуть в борьбе, чем жить в покорности.

В связи с нашей депортацией они сделали все возможное, чтобы нас дискредитировать, но добились обратного эффекта. Они объявили нас вождями и злодеями, пытающимися обогатиться на ваших страданиях и жертвах, хотя знают, что вожди и злодеи - это не те, кто встают в 6 утра, чтобы в поту добывать себе хлеб насущный. Те, кого буржуазия считает «вождями» и подстрекателями, ведут тот же, если не еще более нищий образ жизни, что и другие работники. Единственное, что может их отличать, - это то, что они имели смелость встать на наиболее трудные позиции в борьбе за Хлеб и Волю, идут в ее первых рядах, чтобы в качестве «привилегии» получить пулю или пополнить тюрьмы.

Настоящие бандиты и злодеи - это политики, которые с помощью всяческих обещаний домогаются голосов работников, чтобы пролезть в парламент и, как паразиты, жить за счет чужого труда. Когда депутаты-социалисты присоединили свои голоса к этой когорте евнухов, они показали свое истинное лицо. Потому что много лет назад они перестали быть трудящимися, а следовательно и социалистами. Они кормятся... депутатством. Настало время замуровать их в стены их собственной демагогии, заявив им, что либо они должны решить социальные проблемы, или народ сам их решит. Мы полагаем, что Республика ничего не может решить, поэтому говорим рабочему классу, что существует только одна дилемма: или мы умрем как современные рабы, или мы будем жить достойно, выбрав наиболее короткий путь к свободе - путь Социальной революции. Вы, кто меня слушает, знаете, о чем идет речь. От вас зависит изменение курса собственной жизни».

Правительственные репрессии создавали невыносимую ситуацию: запрет профсоюзов, произвольные аресты, непрекращающиеся штрафы против конфедеральных изданий сочетались с ростом безработицы и локаутами, с помощью которых капитал пытался столкнуть работников в болото отчаяния. Но опыт показывал НКТ и анархистскому движению, что систематические репрессии не отдаляют рабочий класс от борьбы, а увеличивают его смелость и волю к победе.

Все эти причины побудили Региональную конфедерацию труда Каталонии изучить ситуацию и дать наиболее эффективный ответ. Этот анализ происходил вначале на нелегальных собраниях групп и профсоюзов Конфедерации, а затем - на региональном пленуме. Были представлены две точки зрения. Одна предлагала создание все новых и новых базовых организаций в ожидании стихийной реакции народа, в которую следовало включиться и придать ей новые импульсы. Приверженцы другой точки зрения выступали за подготовку вооруженного восстания безо всякого отлагательства, при первом удобном случае и со всеми последствиями этого. Они учитывали опасность фашистского переворота и репрессий, которые сделают всякую акцию народа невозможной. То есть они считали, что необходимо опередить переворот, поставив перед народом проблему революции. Победила вторая точка зрения.

Был избран Революционный комитет, а ФАИ и группы защиты проводили множество собраний, чтобы лучше координировать свои действия. Были расширены меры подготовки в Андалусии и Леванте, где прошли конгрессы НКТ. Был разработан и план восстания, который предусматривал занятие радиостанции в Барселоне, разделение города на сектора и мобилизацию боевых групп и членов профсоюзов для выполнения таких запланированных задач, как захват военных казарм, артиллерийских батарей, комиссариатов и Главной дирекции полиции, телефона, почты и т.д. Было решено, что восстание примет общенациональные размеры в случае успеха в столице Каталонии.

Все было организовано придирчиво, чтобы не оставить места для случайностей, но одно событие принудило повстанцев выйти на улицы раньше намеченного дня и часа. В одной мастерской, где производились гранаты, произошел взрыв, который взбудоражил квартал и привел к раскрытию склада полицией. Последовал приказ произвести обыск во всех подозрительных местах и арестовать самых известных революционеров. Чтобы опередить эти полицейские акции, было решено действовать незамедлительно, то есть утром 8 января 1933 г. Немногие оставшиеся часы были максимально использованы для переработки плана восстания и уточнения задачи каждой группы, каждого бойца.

На одном из таких полуночных собраний последние разъяснения давал Аскасо. Внезапно один из участников его прервал: «План великолепен, но вдруг мы потерпим неудачу?» Аскасо ответил ему: «Если мы потерпим неудачу, чего мы не хотим, так умрем как люди». Но другой настаивал: «Я предпочту жить как собака, нежели умереть как герой». Аскасо подошел к нему и взглянул ему прямо в глаза: «Меня приглашали на собрание революционеров, о которых мне говорили, что они полны решимости, если надо, отдать всю жизнь за революцию. Я здесь, чтобы ознакомить вас с планом восстания, а не для того, чтобы убеждать кого бы то ни было в необходимости рисковать жизнью. Если бы революция была неким празднеством, на котором пьют и поют, другие до нас уже давно бы ее совершили. Это единый долгий и трудный марш в неизведанное, в котором обычно сами лучшие гибнут прежде, чем бывает

достигнута цель. Только такой ценой возможна революция. Если она кажется кому-то слишком высокой, тот может продолжать лизать ботинки тех, кто его топчет, но пусть не мешает нашему маршу».

В 5 часов утра 8 января взорвалась бомба перед воротами Центрального комиссариата полиции. Имелись жертвы. Восстание началось. Детонация его чувствовалась во всех точках Барселоны, но неожиданность не удалась. Гражданская гвардия и специальные штурмовые части преградили дорогу к казармам, где началось развертывание войск. Начались кровавые схватки. Слышались новые взрывы и разрывы картечи. К 8 часам перестрелки достигли наибольшей интенсивности, но в центре ни одной из боевых групп не удалось добиться поставленных целей. Не было взято радио. Только в окраинных кварталах развевались красно-черные знамена. К обеду восстание было подавлено. Начались аресты. Вопреки неудаче в Барселоне, в провинции революция торжествовала. В Лериде, Тарасе, Сарандоле, Риполесе был провозглашен вольный коммунизм.

В Леванте революционный пожар охватил села, но наиболее интенсивным он оказался в Андалусии: в Аркосе де ла Фронтера, в Малаге, Утрере, Ринконаде, Сан-Лукасе, Бараменде, Кадисе и многих других местах. Правительство направило в эти районы жандармерию и воинские части, и через несколько дней огонь был потушен. Свирепость властей была беспрецедентной. В некоторых местах революционеров после поимки обливали бензином и сжигали живьем. Тюрьмы пополнились тысячами борцов. Начались мучения, которые вскоре стали достоянием мировой общественности и вызвали множество протестов в адрес испанского правительства. Многие перешли на нелегальное положение, укрылись в окраинных кварталах. В нелегальной прессе НКТ, газете «Голос Конфедерации» появилась одна из немногих статей, написанных Дуррути. Анализируя январское восстание, он писал:

«Очевидно, что условия не созрели, но еще очевиднее, мы переживаем предреволюционный период, когда мы не можем позволить буржуазии овладеть ситуацией, укрепив государственную власть. Точно также мы не можем позволить социалистам и сталинистам интегрировать синдикализм в рамки буржуазного общества и его государственного «порядка». Такова перспектива, в которой мы должны интерпретировать революционный опыт 8 января.

Мы никогда не считали, что взятие власти каким-либо меньшинством и установление его диктатуры над народом - это революция. Наша революционная сознательность противостоит подобной тактике. Мы стремимся к революции народа для народа. Вне этой концепции она невозможна. Все другое будет только переворотом и ничем больше. Объединяясь от фабрики, от шахты, поля, мы стремимся дать толчок подлинной социальной революции, и в этом нет ни бланкизма, ни ленинизма, а только ясная и точная идея о том, что революция - это нечто, что следует готовить каждый день. Поэтому никто не может быть уверен, когда же она вспыхнет. И еще одно: рабочие должны проникнуться ее безальтернативностью, необходимостью и осуществимостью, потому что никто другой не может совершить их революцию вместо них».

Затем Дуррути остановился в статье на бедственном положении жителей сел, которое побудило их к захватам земли. В этом феномене он видел скорее отчаяние, чем убеждения, но считал, что такие акции позволяют селянам понять, кто их враг, которого следует разгромить. «Таким образом, - заключал

он, - государственная и капиталистическая система атакована в самое сердце. Такие акты, как восстание каталонских шахтеров могут нанести ей смертоносные раны».

Весной и летом 1933 г. по всей стране вспыхивали новые стачки и демонстрации. Они приобретали все большую силу и заставили власти освободить всех арестованных, относящихся к категории «правительственных заключенных». Это позволило и нелегалам выйти из подполья. Год был отмечен экономическим кризисом, который сделал ситуацию еще более взрывоопасной, особенно в Барселоне, где большинство населения составляли рабочие. Происходили массовые увольнения в целых отраслях промышленности. НКТ организовала своего рода профсоюз безработных. Он начал с успехом заставлять фабрикантов и других собственников предприятий, использовавших сверхурочный труд, нанимать определенное число безработных. Конфедерация организовывала для безработных, которые принадлежали к группам защиты, бесплатные обеды в ресторанах города, помогала женским группам, пытавшимся получить кредит в бакалейных лавках, где они обычно покупали продукты. Эти и многие другие подобные акции «увенчались» всеобщей стачкой квартиросъемщиков, которую организовали домовые, уличные и квартальные комитеты, образовав общий фронт на случай попыток выселения.

Напряжение усиливалось хроническими локаутами в трамвайной и телефонной компаниях Барселоны, что заставляло работников прибегать к актам саботажа, сжиганию трамваев или бомбовым атакам против телефонных центров. В подобном социальном климате неудивительно, что потерявшие всякую надежду уцелеть начали вооруженные грабежи. В них участвовали и отдельные анархисты. ФАИ делала все возможное, чтобы воспрепятствовать изолированным акциям, организуя своих членов и сторонников на коллективные действия. Этим проблемам были посвящены многочисленные собрания. На одном из таких собраний кто-то напомнил, что Дуррути в прошлом сам практиковал подобные акции, что вынудило его объяснить свою точку зрения:

"Это правда, что я нападал на банки, причем не только в Испании, но и в других местах в Европе и мире, но я делал это ради общего дела. Мы практиковали экссы. Поскольку условия тогда были иными, чем сейчас, но у участников таких актов очень часто, многие часы после экспроприации, было не на что есть. Взятые миллионы всегда шли в организационные кассы. Никто не взял себе ни одного сентима.

Сегодня полтора миллиона человек, организованных в НКТ, народ, который ждет удобного момента, чтобы осуществить великую революцию, нуждается в другой тактике, в массовых акциях, в экспроприации фабрик, шахт и земли. Когда закрывают фабрику, работники должны ее захватить, и мы, анархисты, должны быть первыми, кто осуществляет подобные революционные экспроприации как предвестники Великой и всеобщей экспроприации. Поэтому, коллективной экспроприации - да! Бандитизму - нет! Вчерашнее превзойдено ходом Истории. И те, кто хотят пережить это снова, скрываясь за «правом на жизнь», вольны это делать, но вне наших рядов, отказавшись от качества бойца и беря на себя всю ответственность за свой акт, не компрометируя имя нашего движения и его престиж перед рабочим классом»..

Вопреки этой позиции, общей для НКТ, буржуазная пресса и особенно газета правых «Ла Вангардиа» продолжала отождествлять анархизм с

бандитизмом. Это привело Аскасо и Дуррути к решению положить конец газетной кампании, и они посетили редактора газеты. Войдя в кабинет, оба представились ему как деятели ФАИ и потребовали опубликовать следующую декларацию:

«ФАИ работает над организацией коллективной экспроприации капитала и земель в Испании и над установлением Вольного коммунизма с помощью социальной революции. Методы, которые она использует - это всеобщая стачка и массовое революционное действие. Всякий иной метод, в роде индивидуальных грабежей, то есть бандитизма, противоречит революционной практике анархизма и отвергается нами как неэффективный.

В силу вышеизложенного, мы настаиваем, чтобы вы, как директор этой газеты, которая публикует черную хронику, ограничиться воспроизведением фактов, не смешивая их с именами ФАИ или НКТ, поскольку эти организации не имеют ничего общего с подобной деятельностью.

Мы надеемся, что вы запомните это и будете контролировать тексты с утверждениями фривольных журналистов. Не заставляйте нас воскрешать синдикалистскую практику «черно-красной цензуры», которую готов применить наш профсоюз графических искусств».

В этой ситуации социал-республиканское правительство подало в отставку и президент Алькала Самора назначил служебный кабинет для организации новых выборов. Позиция НКТ оставалась классической: бойкот. Рабочий класс не может ожидать ничего от политики. Выбор между фашизоидными правыми и стоящей слева либеральной буржуазией, совершенно далекий от жизненных проблем испанского общества, подтверждал позицию, утвержденную Национальным пленумом. Было решено ответить на победу правых революционной всеобщей стачкой и вооруженным восстанием с непосредственной целью - установления анархического коммунизма и создания федерации свободных коммун, в которых единственной и суверенной «властью» были бы общие собрания. С этой точки зрения было решено заключить союз с работниками, находившимися под влиянием ВСТ.

Был вновь избран Национальный революционный комитет, в который вошли Дуррути, Сиприано Мера и Исаак Пуэнте. Его резиденцией была определена Сарагоса. Комитет возглавил кампанию по бойкоту выборов в виде серии митингов. Наиболее крупный состоялся в Барселоне на Площади Быков, где собралось более 100 тысяч человек. Среди ораторов были гранадский адвокат Бенито Павон, писатель Викторiano Фернандес, Франсиско Исглеас из профсоюза деревообрабатывающей промышленности и Дуррути от профсоюза металлургов. Последний заявил в своей речи:

«Перед лицом краха демократии и угрозы фашизма НКТ утверждает право и долг рабочего класса совершить свою революцию. Социалисты и коммунисты говорят, что не голосовать - означает помочь фашистам. На это мы отвечаем: государство - это ни что иное, как инструмент угнетения, находящийся в руках класса капиталистов. Всякий раз, когда кризис угрожает его господству, он стряхивает с себя фиговый листок демократии и прибегает к методам и формам господства, где нет место для идиллий, иллюзий и обманов. Подлинное освобождение пролетариата нацелено на полное и окончательное разрушение господства этого класса и, в первую очередь, его государства, частью которого является парламентская власть. Вот почему мы, анархисты, призываем массы к активному бойкоту, то есть к воздержанию от избирательного идиотизма, мы остаемся бдительными на улице и работаем на местах - готовимся к отпору.

Посмотрите на пример Германии, где триумфу фашизма предшествовали всевозможные насилия против пролетариата. Там ему советовали голосовать вплоть до того момента, когда фашизм взял власть. Социал-демократы и коммунисты знали о намерениях Гитлера, но это не помешало им помочь ему именно голосуя. *Тогда настал час карабинов, а не бюллетеней. Дилемма была ясна: революция или фашизм! Другого выхода не было!*

Сегодня мы переживаем такую же ситуацию. Оружью фашистов пролетариат должен противопоставить свое. Испания - самая большая надежда мира. *Если мы воздвигнем барьер против фашизма, то сумеем совершить самое грандиозное завоевание в европейской и мировой истории».*

Заключительный митинг предвыборной кампании состоялся 16 ноября 1933 г. Он был организован ФАИ в присутствии гостей из-за рубежа. Среди них был и французский анархист Себастьян Фор. Аскасо максимально краток на трибуне: *«Революция - это не варварский акт, а историческая необходимость для угнетенных и тех, кто хочет жить достойно. Подчинением так называемому законному порядку и реформизму поддерживаются угнетение и рабство. Только в упорной борьбе рабы могут разбить свои цепи и построить новый мир. Перед тобой выбор, трудовой народ! Это твоя работа, и только и единственно от тебя зависит твоя судьба».*

Заключительное слово произнес Дуррути: *«Пролетарии, буря приближается. ФАИ советует членам Конфедерации, контролирующим фабрики, заводы и шахты, не покидать их! Оставайтесь у станков и изберите советы рабочих и техников, которые должны стать основными органами новой социальной и анархистской экономики. Анархисты и на сей раз, как и всегда, исполнят свой долг, первыми бросившись в борьбу. Пусть захват фабрик в Италии послужит нам уроком! Захваты должны быть направлены вовне, как любая акция восстания, они должны быть наступательными. Как оборона - это смерть всякого восстания, так и захват фабрики без связи с внешним миром осужден на гибель по причине изоляции. И помните: нам нечего терять, кроме нашего рабства. Да здравствует Социальная Революция!»*

19 ноября 1933 г. испанские правые выиграли выборы. Число воздержавшихся превысило 32%, а в Каталонии - 40%. Потери понесли, как и ожидалось, социалисты и республиканцы. Победителем оказалась так называемая конфедерация автономных правых Хилия Роблеса. НКТ предполагала, что после такого поражения и отстранения их лидеров от власти, рядовые социалисты присоединятся к анархо-синдикалистам, которые приступили к организации и подготовке нового восстания. Комитет в Сарагосе при помощи ФАИ и Иберийской федерации анархистской молодежи начал работу над планом восстания.

Карта Испании была разделена на зоны, окрашенные в разные цвета. Каждый цвет определял особенности восстания в соответствующей зоне. Например, в «красной зоне» (Арагон, Ла Риоха и Наварра) восстание должно было характеризоваться вооруженным насилием. В «синей зоне» (Каталония) должно было использоваться оружие всеобщей стачки. Наконец, в «зеленой зоне» (в Центре и на Севере), где преобладало влияние социалистов, анархо-синдикалисты надеялись на присоединение ко всеобщей стачке людей из ВСТ. Две «привилегированные» зоны оказались окрашенными в красный и в синий цвета (Андалусия и Левант).

Во все комитеты защиты и в группы ФАИ и НКТ, на которые была возложена координация движения, были отправлены отпечатанные воззвания и

другие пропагандистские материалы. Они содержали *призывы к захвату предприятий*, шахт и мастерских, где работники призывались создавать советы, которые соединялись бы в федерацию снизу вверх и устанавливали контроль над производством. Население в городах и селах должно было конституироваться в коммуны, которые вместе с фабричными и квартальными советами организовали бы распределение. Вооруженные народные ополчения в каждой коммуне, объединяя свои усилия, должны были обеспечить защиту революционного порядка и т.д.

8 декабря в 10 часов, когда на половине территории страны борьба уже началась, правительство ввело «осадное положение». *Битва приняла характер всеобщей стачки* со столкновениями с силами полиции. К осуществлению революционной программы приступили лишь в небольшом количестве районов, где революционеры контролировали положение целиком. Ожидавшаяся революционная «эпидемия» не проявилась, и в течении недели «силы порядка» одержали победу. На местах, особенно в Валенсии, армия разрушила из пушек профсоюзные здания, погребя их защитников под развалинами. Начались массовые аресты; только в одном маленьком селении Бесете в Арагоне было задержано 122 человека. 15 декабря бои прекратились, но военное положение во всех захваченных восстанием регионах сохранялось, поэтому стачка не прекратилась. Сарагоса была похожа на осажденный город. Члены Национального революционного комитета не собирались прятаться и решили взять на себя всю ответственность, превратив процесс над собой в суд над капиталистической системой, в публичные дебаты, где они могли бы защищать право рабочего класса на восстание и совершение социальной революции.

Многие опасались, что против задержанных, особенно руководителей, может быть применен пресловутый «закон о бегстве», и делали все возможное, чтобы привлечь внимание европейского и мирового общественного мнения. Из-за обеспокоенности внешнего мира премьер-министр заявил, что возлагает ответственность за жизнь арестованных лично на губернаторов провинций. Не имея возможности убить руководителей восстания, полиция приступила к допросам с использованием методов инквизиции. Например, Исаак Пуэнте и Сиприано Мера многократно приводились в сознание с помощью обливания ледяной водой.

Правительство назначило Чрезвычайный трибунал в Сарагосе, где организовывался центральный процесс. Здесь был и Дурутти, арестованный в Барселоне. В тюрьме Предикадорес он разработал с друзьями план уничтожения следственного дела, чтобы выиграть время для подготовки своей защиты и своей версии событий, пока следствие будет восстанавливать досье. Было принято решение о нападении на трибунал. Через неделю пресса сообщала: «...Против Чрезвычайного трибунала в Сарагосе был организован невероятный по смелости удар. Группа из семи человек, вооруженных пистолетами, вошла в зал, где работали судьи. Под угрозой оружия они вынуждены были оставаться неподвижными, пока нападавшие забирали все документы и досье, относящиеся к недавним революционным событиям в декабре».

В ходе новых допросов только члены Национального революционного комитета признали свое участие в событиях. В результате тысячи рабочих были освобождены из-под ареста. Чтобы ускорить их выход из тюрьмы, профсоюзы Сарагосы начали всеобщую стачку, которая длилась четыре месяца. Она была

прекращена только после того, как был освобожден последний рабочий. В этих условиях в феврале 1934 г. правительство перевело обвиняемых в Бургос.

Изоляция, в которой оказалась группа бойцов и руководителей ФАИ в новой тюрьме, благоприятствовала подведению итогов происшедших событий и тактике прямых действий, включавшей два опыта восстания за менее чем год (с 8 января по 8 декабря 1933 г.), и обсуждению определенного числа проблем, важных для движения. Избранную линию можно было проанализировать, только учитывая предреволюционную ситуацию, в которой, согласно анализам, находилась Испания. То обстоятельство, что с радикализацией борьбы *на сторону революции встали сотни тысяч новых бойцов, подтверждало правильность анализа и результативность «пропаганды действием».*

Тактика бойкота выборов привела к власти правых, а их жестокая политика, которая не щадила ни крайне левых, ни социалистов, ни республиканцев, привела в новой обстановке только к усилению классовой борьбы. Социалисты квалифицировали политику правых во всех сферах и особенно по отношению к рабочим организациям (непрекращающиеся преследования, запрещение газет, закрытие клубов, в то время как фашистские банды вооружались под благосклонными взглядами властей) как открыто контрреволюционную.

Анархисты уточняли: «Если во время республиканского правительства Асанья закон о «защите республики» применялся против нас, сегодня под его удар, в свою очередь, попали и социалисты. Печально известный закон об «общественном порядке», который оправдывает чрезвычайные судилища и превращение неких чрезвычайных законов в постоянные (считающиеся нормой), оборачиваются против социалистов, изгнанных из власти по капризу политической игры».

Все это ускоряет развитие и предвещает новую фазу революционного кризиса. Кроме того, массовые репрессии и направление острия государственного террора не только против сотен и тысяч, а против миллионов позволяют в период усиления воли пролетариата к сопротивлению и борьбе организовать ответные акции, ломающие это острие. Можно также предположить, что «социалисты из низовых политических и профсоюзных организаций освободятся от наставничества своей партийной и профсоюзной верхушки и после долгого отсутствия ее перейдут на сторону рабочих организаций, которые всегда были в авангарде революционной борьбы», - говорил Оробон Фернандес. Он добавлял: «Этот союз будет строиться на революционных позициях НКТ. К такому выбору склоняются сегодня социалисты после громкого провала их сотрудничества с буржуазной демократией».

Дуррути также полагал, что бойкот выборов, который отстранил социалистов и республиканцев от власти, внес свой вклад в кристаллизацию позиций как левых, так и правых. При этом он считал, что подобное прояснение окажется наиболее выгодным рабочему классу, поскольку руководители социалистов не отказались сознательно от своей властнической позиции и не поняли вреда и бесплодности союза с буржуазной демократией. С помощью бойкота народ прогнал их от власти, но многие все еще оплакивают утерянную власть. Другие остались ошарашенными речами Ларго Кабальеро, которые внезапно стали куда более революционными. В этом отношении ему помогала испанская компартия, предоставившая ему легальные возможности в своей прессе и изданиях (они были значительными благодаря деньгам, шедшим из

Москвы, а по причине своей незначительности и оппортунизма партия испанских сталинистов не подвергалась правительственным преследованиям). Наконец, немало людей считали большой рабочий альянс «лоскутным». Чтобы предостеречь от розовых иллюзий и от легкого отношения к словесной революционности социалистов, Дуррути изложил свое видение такого альянса в письме в секретариат НКТ:

«...Для того, чтобы это был революционный альянс (а мы можем принять только такой), он должен быть подлинно рабочим. Он должен быть результатом пакта единственно между рабочими организациями, и только между ними. Никакая партия, сколько бы она ни кичилась социалистическими этикетками, не может принадлежать к рабочему альянсу, который должен создаваться снизу на предприятиях, где работники ведут свою борьбу. Его представительными органами будут рабочие комитеты, созданные на фабриках, в мастерских и в кварталах. Нам следует отвергнуть любой пакт на национальном уровне, заключенный между Национальными комитетами, в пользу прямого альянса снизу, осуществленного самими работниками. Тогда и только тогда революционная инициатива сможет пробудиться, развиться и утвердиться».

В феврале НКТ созвала Национальный пленум, на котором после бурных и долгих дебатов была единодушно принята следующая резолюция:

«Национальная конфедерация труда настоятельно призывает ВСТ ясно и публично изложить свои революционные цели. Мы уточняем, что для нас революция не может сводиться к простой смене правительства, как это произошло 14 апреля 1931 г. Речь идет о полном уничтожении капитализма и государства».

ВСТ не ответил на обращение НКТ, что вызвало обвинение со стороны приверженцев союза любой ценой в том, что пленум блокировал рабочие переговоры, потребовав от ВСТ полностью отказаться от своих государственных концепций. В действительности ВСТ полностью находился под влиянием тактики Социалистической партии. Она только что разработала свою программу революционного действия, которая была нацелена на использование анархистов для отстранения правых от власти и ее завоевания. Этот план, ставший известен гораздо позднее, не содержал в себе ничего революционного. Он был реформистским с начала до конца. *Рабочее единство*, которое провозглашал Ларго Кабальеро, было всего лишь приманкой и обманом. В его программе говорилось:

«После взятия власти, когда революция добьется успеха, Социалистическая партия и ВСТ примут участие в новом правительстве всех элементов, которые непосредственно работали на революцию». Такая постановка вопроса означала, что либо Социалистическая партия не нуждается ни в ком, чтобы завоевать «революционную» власть, либо она вообще не стремится ни к какой революции, а хочет лишь избежать ее и действительного рабочего альянса ценой минимальных потрясений.

Ничего не зная о тактике социалистов в тот момент, рядовые члены НКТ продолжали усилия по осуществлению альянса между работниками, всячески избегая контактов с местными органами Социалистической партии и особенно ее «комитетами бдительности», которые она создала, главным образом, затем, чтобы следить за членами ВСТ - дабы они не попали под влияние... революционной пропаганды НКТ.

В мае под напором рабочих масс правительство отдало распоряжение освободить последних политических узников Бургоса, арестованных во время событий минувшего декабря.

На состоявшемся в Мадриде в июне 1934 г. Национальном пленуме НКТ снова рассматривался вопрос об альянсе и сопровождавших его трудностях. Избирательные аппетиты Социалистической партии проявлялись все больше, ее тактика пустой революционной фразеологии и оппортунистическая политическая практика больше не могли никого обмануть. Но пока делегаты Пленума рассматривали молчание ВСТ и лавирование Соцпартии, делегация Астурии объявила о том, что 28 марта 1934 г. астурийская организация НКТ подписала пакт об альянсе с ВСТ и местной федерацией социалистов Астурии. Эта позиция поставила НКТ перед свершившимся фактом. Пленум констатировал, что этим договором с верхушкой социалистов анархо-синдикалисты Астурии нарушили пакт солидарности и организационную дисциплину во имя предполагаемого революционного реализма. Делегация Астурии оправдывала этот акт революционным характером астурийского социализма, а также тем, что договор был заключен без участия национального руководства социалистов, исключительно под нажимом рядовых членов. Даже если утверждения астурийцев были бы верны, в остальной части Испании Соцпартия была полностью реформистской, парламентской и враждебной революции. Хиль Роблес, обращаясь в парламенте к Индалесио Прието (другому вождю социалистов), заявил: *«Вы никогда не совершите революцию, потому что боитесь ее больше, чем мы!»*

Вопреки отрицательному отношению Пленума НКТ в целом, делегация Астурии осталась верна принятой линии и пакту, который ее конфедерация заключила с ВСТ. Так состоялся первый опыт рабочего альянса между двумя профсоюзами.

Георгий Константинов

Источник: Г. Константинов. *Поуките от една революция // Свободна мисъл, 1997. №11 и др. номера.*